

Екатерина Комарова

Фелиция

Екатерина Комарова

Фелиция

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57438077

ISBN 9785005132109

Аннотация

История о простой работающей девушке, существование которой казалось бы бессмысленным, если бы не необыкновенная история, изменившая ее жизнь и заставившая наконец задуматься о собственном предназначении.

Содержание

Глава 1. Жизнь с тетушкой	5
Глава 2. Джейн	11
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Фелиция

Екатерина Комарова

Иллюстратор Кристина Сергеевна Проворова

© Екатерина Комарова, 2020

© Кристина Сергеевна Проворова, иллюстрации, 2020

ISBN 978-5-0051-3210-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Жизнь с тетушкой

Деревушка Хаутлейвен располагалась неподалеку от города, где протекала жизнь, так и не обратившая внимание на сельских жителей. Место, однако, живописное: речка с прозрачной и чистой водой, зеленые холмы с редкими бутонами цветков, а вокруг скромно устроились маленькие деревянные домики, где-то гуляет скот, у воды бегают босиком самые маленькие жители. Любопытный путник устремляется дальше, от реки, перебирается к лесу и там непременно находит дом, более величественный, в нем, кажется, два этажа, балкон в лучших традициях светской интеллигенции. Подобное зрелище, слегка комичное для любого прохожего, являло трагедию для философа или психолога. Как бы там ни было, именно здесь происходила история... История одной девушки по имени Фелиция.

Представьте себе особу что ни на есть простую, молодую, дышащую цветением полевых цветов. Золотисто-рыжие волосы падали на красноватые плечи, обожжённые солнцем. Глаза серые, бойкие, носик вздёрнут, в безразличной улыбке чуть растянуты сухие потрескавшиеся губы.

Деревенская девчушка с родителями гуляла в городе, смотрела на людей, бушующий океан тайн, окружающий ее.

И вот теперь, прошли года, и она оказалась в заточении имени тетушки. Что волновало юное сердце? Вещи, по сути своей, бытовые. Фелиция прекрасно готовила, вышивала, ухаживала за растениями в саду, ходила к реке принести воды... Впрочем, еще кое-что. Иногда, будучи в особенном настроении, брала она в руки карандаши, старые краски, пожелтевший растрепанный листок, и рисовала пейзаж, видневшийся из окна или открывающийся с лужайки. Столь редки были встречи рук и красок, что, пожалуй, можно и забыть о них пока. Круг интересов Фелиции мог бы показаться узким: где же страсть к книгам, музыке, танцам? Нет, не влекли ее занятия аристократии, к коей и сама она себя не причисляла. Свободную минуту трудно было отыскать среди бесчисленных указаний тетушки Клэрیتی – женщины строгой закалки, всегда неотступно следующей правилам. Как перечить ей? Скромная по натуре Фелиция не знала ответа.

Только в ценное время без забот удавалось ей укрыться под раскидистыми кронами деревьев. Вдаль устремлялся покорный судьбе взгляд, блуждал по горизонту и замирал в одной точке на несколько мгновений. И вскоре, позади раздавался звонкий властный голос, зовущий назад, в паутину бесконечных бессмысленных дел, наполняющих смыслом жизнь молодой девушки.

Дни летели одновременно невыносимо и чересчур легко. Больше всего сил отнимал огород, продажа собранных овощей и фруктов. Пешком Фелиция отправлялась торговать на местном рынке. Всё это смешивалось в неясную картину скучного бытия. Однако было нечто трагичное, утаенное от всеобщего обозрения, в существовании девушки из деревни. Что-то ускользнувшее от пытливых глаз строгой Клэррити. Свидетельством служил и затуманенный взор и порой валяющаяся из рук на пол пряжа. Честно, никто особо не задумывался над поведением Фелиции, даже не пытался подметить неуловимые детали незатейливого существа, оттого и не мыслил разгадать великую тайну простой девичьей души. А может, вовсе и не великую, а глупую и надуманную.

Рано утром Фелиция просыпалась, заправляла постель, готовила завтрак, в то время как тетушка еще мирно спала, ссылаясь на необходимость здорового сна людям, уже отдавшим сполна свою силу в прошедшие годы. После приготовления она уже начинала готовить обед – не всегда что-то изысканное, зато с заметным старанием и любовью. Бытовые занятия, хоть и докучали Фелиции, отчасти полюбились ей, очевидно потому, что другие не были понятны неприхотливой и работающей девушке. Днем ее ждала дорога в город, к вечеру – возвращение, и на скорую руку снова готовка. Работа на рынке, несмотря на однообразность и расположение на удачу, являлась в какой-то степени отдушиной от дере-

венской рутины. Новые лица, люди, движение, мир прежде всего для человека, а не вокруг него. Бывало, приходилось задерживаться допоздна. Внимательная, любопытная Фелиция находила в каждом новом предмете и лице необыкновенное, глубокое, даже мудрое. Вечером обессилено падала растрепанная голова на подушку.

Только кузнечик или редкая пташка слышали, как в тишине ночи раздается тихий, отчаянный, робкий плач. Шли минуты, мрак поглощал движения, всхлипы, лесные крики, еле слышные колыхания. Беспощадно он умирлял мольбу, превращая ее в непробудный сон. Потом все начиналось с начала.

Родителями Фелиции приходились светские личности, но в годы опеки о дочери не баловали ее роскошью и другими выдумками аристократии. Не лучше и не хуже других росла Фелиция. Непонимание и обида сопровождали ее в период разлуки с родными и переселения к тетушке. «На все есть причины. Матери и отцу трудно сейчас. Стало быть, так нужно», – могла ли единственная мысль утихомирить беспокойное сердце? Немногие одарены способностью прощать искренне. Если не прощение, то во всяком случае смирение осталось выходом для крохи. Девочке семи лет пришлось попрощаться с подругами, которые, быть может, стали одними настоящими за всю ее жизнь.

– Отчего же они уехали? Как же так? – наивные детские глаза смотрели на почти еще незнакомую родственницу.

– Отец твой повеса, Фели. Безответственный повеса, – отчеканил ледяной голос, и крохотное существо оставалось наедине со своими собственными размышлениями, бесполезными, по мнению Клэрیتی. Главное – умение работать руками.

По правде говоря, больше подруг у Фелиции не осталось. Круглолицая, задорная девчушка по имени Джейн, лишь она по-прежнему порой гостила в отчужденном имении. Ей Фелиция доверяла тяготы, надежды, в тот момент, когда поместье скрывалось позади, за деревьями. Ведь раньше, раньше все было совсем иначе. Фелиция, держащаяся в стороне, внезапно получила поддержку со стороны незнакомой девочки. Джейн замечала, что в детстве подруга ее всегда отчуждалась, думала о своем, не беспокоясь об остальных, не замечая требований и порядков. Рассеянность осталась в ней до сих пор. Зато, с другой стороны, в Фелиции всегда жил талант к пению, пела она действительно красиво и завораживающе. Жизнь менялась, песен стало меньше, изредка они слетали с замерзших губ, в тишине, наедине с самой собой.

Ветер уносил с собой слова, слезы и улыбки. Шумели листья и травы, птицы затихали, пугаясь и вслушиваясь в грозный вой грядущих перемен. Долго ждать не понадобилось.

Глава 2. Джейн

Джейн

Сыро, холодно. Вот и рассвет показался вдалеке, закричали петухи, загудели рожки пастухов. Продирала слипшиеся веки деревня: кряхтела, бранилась, заливалась смехом. В тишину ворвалась суета. Поутру рыбаки выбирались к реке, редко возвращаясь с достойным уловом; видели разочарованные физиономии домочадцев и, не унывая, вновь ударялись в рыбацкое дело с пущей охотой. Одним словом, бедно коротали досуг. Облака неспешно цеплялись друг за друга, сливались воедино. Дети играли, непременно помогая своему семейству в хозяйстве. Целый живой и дышащий организм представляла собой Хайтлейвен, все здесь знали друг друга, уважали, приходили на помощь в трудностях. Вне дружелюбного общества стоял особняком старик Джонсон, державший лошадей, которые заменили ему «неблагодарных и странных людишек». Ни одна человеческая душа не была ему ближе новорожденного жеребенка. С трудом расставался он со своими подопечными, – продавал, иногда даже весьма знатным покупателям. Породистые, ухоженные лошади не шли ни в какое сравнение с запущенным видом угрюмого отшельника.

Утро вступало в свои права: солнце золотилось пока слабо, задевая лучами отдельные кусты, края лужаек, носы и щеки. Одинок и горделиво взирал на деревушку издали дом Клэрйти. Там, в комнате, на втором этаже, сидела Фе-

лиция. Пушистые ресницы неустанно смыкались и размыкались, зрачки метались в тщетной попытке разглядеть что-нибудь, голова неосознанно клонилась к подушке, потом отдёргивалась, вставала в прежнее положение, снова падала.

Ночь выдалась трудная, сон нехотя шел навстречу бедной, и без него, измученной девушке. «Просыпайся, Фелиция. Пора вставать. Сегодня важный день.» – твердила она в голове, а мысли спутывались в туманный клубок, хаотично метались, проявляя отдельные слова, обрывки фраз, голосов. Ступеньки ходили ходуном, будто выпрыгивая из-под не слушающихся ног. Тетушка соблаговолила подняться к двенадцати часам и мирно прошествовать на кухню.

– Ты бледная, Фели. Нездоровится? – губы женщины неодобрительно скривились в подобии презрительной улыбки.

– Нет, что вы, тетушка. Завтрак на столе. Я прогуляюсь в сторону реки, увижусь с Джейн.

– Не загуляйся, дел еще очень много. И вообще, эта Джейн мне порядком надоела. Слишком часто заглядывает.

– Последний раз приезжала в прошлом месяце... Разве это часто?

– Не перечь. Иди, небось заждалась встречи.

– Да, мэ, – тут же Фелиция скрылась от презирающего ока и поспешила навстречу Джейн.

Легкий ветерок трепал кудри, отливающие золотом; глаза девушки прищурились, как у охотника, маленькие зрачки в серых ободках замерли на уровне линии горизонта. Шаги то ускорялись, то замедлялись, походка, неровная по своей природе, будто постоянно меняющая направление, запросто могла ввести в заблуждение самого опытного следопыта. Ничего не выражало бледное лицо, глаза устало отвлекались на птиц, деревья; сухие тонкие мозолистые руки рассеянно поправляли платье. Неприметный соловей затянул незатейливую песенку, Фелиция подхватила ее, даже сочинив на ходу строки.

Вой, ветер, вой, мне не страшен твой зной!

Пусть разожжет он огонь полевой!

Нет, ведь не страшно быть мне одной...

Вой, ветер вой... Пой со мной!

– Ах, припоминаю чудный голос детства. Неужто сама Фелиция, речная нимфа, поет сегодня мне? – около знакомого дерева, на мягкой цветочной лужайке сидела Джейн, улыба-

ьясь доверчиво и счастливо. Завидев подругу, она не встала с насиженного места, только наблюдала смешливыми глазками, когда та сама приблизится.

– Здравствуй, – улыбнулась Фелиция так же счастливо, однако слегка болезненно от переполнявших чувств.

Под теплым солнечным светом грелись девушки, ведя непринужденную и добрую беседу, которую, как правило, ведут старые друзья, не знающие толком с чего начать разговор. Приближалось лето, плечи Джейн были открыты прохладному ветру, легкое белое платье смотрелось изысканно и просто, а соломенная шляпа с цветком деликатно дополняла образ. Фелиция выглядела не так гармонично: платье длинное, потрепанное, плотное в контрасте с легким нарядом подруги, волосы беспорядке вьются, где-то среди них остались травинки, колоски. Однако надо признать: лицо затмевало неопрятность одежды, каждая черточка говорила больше всякого кружева.

– Джейн... – с благоговением пролепетала Фелиция, – Как давно мы не виделись! Скорее, скорее, я так хочу новостей! Ты ведь училась. За границей? И как? По-другому там? Лучше? Или наоборот? – вопросы сопровождались чуть ли не подпрыгиваниями с места, беспрестанными движениями руками. Джейн рассмеялась, взяв холодную сухую ладонь

В СВОЮ.

– Что ты, что ты! Дальние родственники устроили меня работать в небольшую кофейню, которой управляют. Несколько месяцев беготни от столика к столику, наигранных улыбок, выслушивания историй... Ни на что не променяю досуг, подобный этому. Честно! Я никогда еще не была так счастлива... Впрочем, довольно. Надоело рассказывать о себе. Сама видишь, какая я. Вот ты, Фелиция, дорогая, гораздо больше меня волнуешь! Вижу, что-то не договариваешь... уже долгое время. Помилуй, не держи за дурочку, равную твоей тетке, не видящую дальше собственного носа!

– Не надо так о ней. Есть и хорошее, – взгляд Фелиции упал на траву, тщательно выискивая там ценное.

– В этом не сойдемся. Надоело видеть ее тиранию. Пускай сама пашет, если на месте не сидится. Фелиция промолчала и только подняла кудрявую голову. Джейн смотрела на нее пытливым взглядом, не разбирая инородное, отчетливо видневшееся в мутных серых озерцах.

Ветер бушевал, сдирал листья с веток, клонил бутоны цветков к земле, облака сгущались. Река понеслась с новой быстротой, плескалась у берегов, журчала предупредительно, отпугивая зевак от себя, уводя назад, в деревню. Воздух заметно потеплел, сделалось душно и сыро.

– Скоро пойдет дождь. Нам лучше поспешить.

Внутренне Фелиция даже порадовалась поношенному платью. В нем было тепло и на случай ливня, оно защитит лучше кружевного.

– Обманчивая сейчас погода, – проговорила девушка, неловко вставая и придерживаясь за руку Джейн.

– И не говори.

Шли молча, держась друг за дружку, порой переглядываясь со скромной подбадривающей улыбкой – «авось дойдем». Джейн ощущала состояние Фелиции: казалось, сейчас кудрявое создание переносило внутреннюю бурю с самой собой, тихое дыхание неровно готово было перейти наконец в слова, но так и оставалось просто воздухом, понять который намного тяжелее.

– Послушай, – прозвучал хрипло голос; Джейн с замиранием сердца подняла взгляд на бледное лицо Фелиции, на нем открыто виднелся страх, испуг, мало с чем сравнимый, – Долгое время мы не говорили по душам. Я бы хотела наконец поведать то, о чем молчала. То, что смогу доверить только тебе, Джейн. Нелегко будет изложить все, как есть, сама знаешь, говорю я глупо и нескладно, так же как

хожу. Пусть слова пропадут вместе с дождем, смоятся его прозрачными слезами!

Джейн придерживала Фелицию, опасаясь, что та упадет. Дрожащий голос начал сумбурный, сбивчивый рассказ по пути к дому; капли с силой стучали по воде, деревьям, всему живому. Плакал горькими слезами некто с высоты, но вот горестно или счастливо? Неизвестно.

– Произошло событие, помню, год назад. Стоял очередной весенний денек, тетушка Клэрिति сидела в гостиной, у окна, многозначительно пробегая глазами потрепанную книжицу. Пора было отправляться в город, собрали хороший урожай, думаю, тетушка рассчитывала на крупную прибыль с его продажи. Полную корзинку, нет... Две! Понесла я на рынок: овощи и фрукты так и манили, сама бы съела. Среди торговцев на площади царило приподнятое настроение, позабылась конкуренция, люди сделались похожи на людей! Помню: сердце билось неутомимо, вдохновение витало среди домов, как цветочное благоухание! Ах, глупо, глупо звучит, наигранно и фальшиво... Но не смею без трепета вспомнить редкие мгновения счастья существовать в тот волшебный день.

Громче и свежее раздавался мой голос среди хора радостных завсегдатаев площади, ярче блестели глаза, по-иному

глядели прохожие, – без циничного оценочного презрения, но с добротой, может даже... Воодушевлением! Торговля шла на ура, отбоя от покупателей не было, две скромные корзинки окружил народ, как стая голодных волков. Люди смеялись, разделяя мое состояние, отчего душа пускалась в полет в неведомые, славные края, где каждый день в году похож на милые лица незнакомцев. Что творилось!

Дело близилось к вечеру, на смену шуму и гулу пришло безмятежие и спокойствие; редкие случайно проходящие улыбались, чуть жалостливо, оставшимся торговцам, понимая нужду сидеть допоздна за бедность, однако тогда я сердечно желала оставаться как можно дольше среди таких же, как я.

В корзине одиноко лежал букет собранных в поле васильков. Смеркалось; я собиралась возвращаться, как вдруг заметила, что прямо рядом со мной стоит очаровательная девушка. Она с интересом поглядывала на васильки. Меня охватило благоговение, Джейн, до чего хороша!.. Словно фарфоровая статуэтка, стоявшая на полке моего прежнего дома, ожила и посетила городскую площадь. А платье... Никогда не приходилось мне видеть таких платьев: розоватого оттенка, кажется, с маленькими блестящими камушками, в меру пышное, легкое, как у доброй феи из сказки. Руки в белых перчатках, как и положено благородным особам.

И лицо, и руки, и плечи – все было кукольным, аккуратным, удивительным. Глазки, как два голубых стеклышка, поднялись, заставив вздрогнуть, смутившись; вспомнить, как я выглядела, а именно – испуганно и нелепо.

– Чудесные васильки. Как думаете, подойдут они к моим глазам? – мягко и уверенно звучал голосок хрустальной куклы.

– Подойдут, несомненно, – ответила я.

Учтиво и приветливо улыбалась незнакомка.

– Где же вы собрали столь славный букет? Лишь в поле можно разыскать васильки небесного цвета. Я куплю их за двойную цену. А вы расскажете мне, как отыскиали это маленькое сокровище.

Уж не вспомню дословно, что отвечала. Даму звали Шарлотта, ненамного старше меня, она изъяснялась ласково и обходительно. Почти до позднего вечера мы беседовали, было страшно и чудесно. Речь у Шарлотты поставлена грамотно, четко и поверхностно доносила она мысли. Говорили обо всем: и о деревне, и о городских обитателях. Что удалось мне узнать?

Как и ожидалось, Шарлотта оказалась аристократкой,

имела великую страсть к музыке, уважала Шопена, любила почитать книги молодых талантливых писателей. Не являясь моей подругой, она была так добра, что таяло и болело сердце и слезы невольно выступали, оставаясь на ресницах. Шарлотта, как лучик, ворвалась в темноту вечернего городка, холодного и отстраненного.

На следующий же день мы встретились вновь, говорили, благодарности моей Шарлотте не было предела. Рядом с такой красавицей невольно застыдишься скромного наряда, нелепых оборотов речи. Так зародилась дружба – маленькая, необычная для Шарлотты и означающая целый новый мир для меня.

Походы на рынок наполнялись смыслом, сопровождалась радостным предвкушением встречи. Мечта сбылась: чувство озарения не покидало меня, домашние дела перестали быть скучными и незатейливыми.

Пересекались мы только на площади. Иногда на час, два, а порой всего на несколько минут, если у Шарлотты имелись прочие дела. Так прошли месяцы, но, скажу откровенно, – никак не могла понять, зачем, зачем я успешной, интеллигентной, не по годам умной девушке? Не скоро открылся ответ. Волнения улетучились, тетушка и не заметила никаких перемен, лишь ругалась, если поздно я приходила домой.

Поначалу, в компании Шарлотты мне было неловко, страшно сделать лишнее движение, сболтнуть лишнее слово. Но чем дольше продолжалось наше общение, тем увереннее я чувствовала, что могу быть собой и не стыдиться. Шарлотта всегда слушала с любопытством, подмечала детали, спрашивала, задумывалась. Рекой текли ее многозначительные, одновременно простые изречения. Знаешь, Джейн... В те моменты я осознала красоту природы, ценила ее, горько жалея, что не способна прижать к сердцу все живое. И вот, однажды...

Пришло письмо. Письмо от Шарлотты; сомнение наступило меня: может, это ошибка? Любопытство пересилило: письмо было открыто и прочитано. Предназначалось Фелиции. Тетушка не видела почтальона и ни о чем не подозревала. Я не поверила своим глазам: приглашение! На званый ужин, в честь дня рождения родственницы Шарлотты. Настоящая светская встреча с изысканными блюдами, беседами, значительными и влиятельными личностями. Так странно и волнительно! Что оставалось делать? Искать менее потрепанное платье и в тайне ускользнуть из дома, без ведома тетушки.

Конечно, вылазка должна была иметь последствия, да только сердце забилося в ожидании нового, неизведанного!

Платье выбрала простое, без причуд. Ушла ближе к вечеру, пока тетушка занималась чтением. Справедливости ради, я закончила все дела по хозяйству до ухода. Руки, колени и губы дрожали, взять их под контроль не удавалось. Взгляд то и дело возвращался к заветному адресу в письме. Я металась между чужими улицами. Подступило отчаяние, так или иначе, после бесчисленных попыток, место было найдено.

Открыла Шарлотта в черном, вечернем платье, в очередной раз поразив меня своей красотой до глубины души. Помню, словно вчерашний вечер – небольшое, уютное жилье, длинный стол, люди в красивых дорогих костюмах. Некогда было стыдиться себя, вокруг столько необыкновенного!

Праздник состоялся в честь кухни Шарлотты – Мари. Весь вечер я держалась рядом с подругой, с опаской озираясь на чуждую обстановку. Постепенно напряжение спало, Шарлотта представила меня некоторым гостям, те были милы; замечая мою робость, подбадривали приветливым словом. Что ж, существовало все-таки общество, в каком-то смысле, без предрассудков. А может, так только казалось. Улыбка чаще играла на моем лице, движения и речь приобретали уверенность. Мари подошла познакомиться. Хоть она и приходилась родственницей Шарлотте, мало что сближало этих двух. Мари, чем-то похожая на героиню детской приключенческой повести, производила впечатление приятное, задор-

ное в некотором роде. Легко между нами нашелся общий язык.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.